

Собака / поэма

Category: Kitapcy, Poemalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Собака / поэма С О Б А К А

Было так:

Алеша звонил из автомата в моем подъезде и вешал трубку.

Мама подходила к телефону и говорила:

– Наверное, не туда попали – шальной звонок.

А я, как бы нехотя, как бы из чувства долга, брала поводок, и собака

вскакивала со своего места, виляла хвостом, совала морду в ошейник...

А Алеша – уже поджидал нас на лестничной клетке.

...Каждый раз Алеша стыдил меня за то, что я так мало читаю, и потому приносил с собой очередную книжку, требуя исчерпывающего ответа о предыдущей.

– Ну что, – спрашивал он, строго пронизывая меня взглядом, – как тебе понравились Будденброки?

И я, выучившая уже некоторые его выраженья, глубокомысленно отвечала, стиснув зубы и собравшись духом: – Крепкая проза.

Параллельно мы проходили с ним поэзию царства Чжоу и время от времени к Древней Греции обращали взоры.

И на трудном пути от южного берега Хань до прекрасной Трои начали уже целоваться.

А потом мы за хронологией совсем не следили и легко перескакивали от лейкистов к обэриутам, и, кажется, во время сопоставлений Корнеля с Софоклом Алеша, как бы так, между прочим и нота бене, предложил мне выйти за него замуж.

Мы проходили с ним Стерна, Гессе и Мандельштама, и корейцев в переводах Гитовича, и сады с сиренью, и пустые ночные площади, и скверы, и парки,

и Алеша уже беседовал с моей мамой,
чтобы она построже за мной смотрела.

Каждый раз они подолгу разговаривали по телефону,
и я слышала, как мама много раз повторяла:
– Алеша, я уж прошу вас – не забывайте,
что моей дурынде только семнадцать!

К концу лета по моей загнанной школярской душе
по-хозяйски расхаживали взрослые персонажи –
всякие там Иуды Искарियोты и мелкие бесы,
и Фаусты с Фаустусами выясняли сложные отношения.
Встречались также и лишние люди,
преимущественно русского происхождения,
боримые синдромом гамлетизма и байронизма,
и два-три подлинных Гамлета, из принцев Датских,
страдавшие комплексом царя Эдипа...

Алеша говорил:

– Когда ты выйдешь за меня замуж,
ты будешь мне показывать каждую строчку, которую ты напишешь,
чтобы я мог ее сразу исправить с точки зрения вкуса.
Потому что Алеша очень хотел, чтобы из меня получилась
настоящая поэтесса.

Так прошло лето.

Алеша стал собираться в дорогу:

он учился в консерватории, и его посылали на конкурс в
Соединенные Штаты.

Вечером накануне отъезда он пришел попрощаться
и подарил моей маме белые розы.

Они просидели до ночи, и оба меня воспитывали, критикуя.

Алеша говорил, что я по-прежнему ничего не читаю
и за целое лето написала ну разве что пару приличных строчек.
А мама поддакивала, что я ленивая и вообще неряха.

Потом я взяла собаку и пошла провожать Алешу,
и где-то там, в полутемной арке,

собака вдруг походя цапнула какого-то подгулявшего человека,
а он оказался американцем.

Он возмущался, махал руками
и требовал немедленного морального удовлетворенья:
– Собака кусать меня – я должен кусать собаку!
А я кричала, что, если он укусит мою собаку,
моя собака вовсе его искушает,
и тогда получится настоящая борьба и битва, то есть fight and
battle,
police with a gun, то есть милиционер с пистолетом...

И тогда Алеша мужественно протянул ему
свою музыкальную, предконкурсную, драгоценную руку
и сказал: – Я – джентльмен и уважаю законы чести –
укусите меня, и вы исчерпаете переполненную чашу
вашего праведного негодованья!

И американец, расшаркавшись
и галантно вытерев платочком губы,
укусил его прямо в запястье...
Даже в темноте было видно, как побледнел Алеша.

Вот и всё.

Алеша уехал в Америку и занял первое место.
– Это, – кричал он радостно по телефону, –
потому что я получил прививку накануне отъезда!
Все его встречали торжественно на аэродроме – с шампанским, с
цветами.
А потом он опять куда-то уехал,
и настала осень.

Гулять с собакой стало тоскливо до рева в голос.
И китайскую поэзию мы так и не доучили.
И Возрождение тоже белым пятном осталось.
Да и Новое Время как-то так пролетело...
Я уж не говорю про двадцатый век и текущую литературу.

Через год Алеша женился,

и стало некому править мои стихи с точки зренья вкуса.

Зато мне все говорили:

– Что это у тебя все так грустно, пессимистично,
все у тебя с надсадом, с надрывом, на крик...

А однажды – лет уже через десять –

Алеша вдруг посреди улицы меня окликнул.

Я спросила его благодушно:

– Ты по-прежнему так много читаешь?

А он спросил:

– Послушай, а как собака? Нет, ты помнишь, помнишь, там – в
подворотне?..

И мы засмеялись так, будто б встретились с ним наутро,
если бы он никуда тогда не уехал.

И Алеша опять сказал: – Нет, ты помнишь, помнишь –
как же он меня укусил – ведь почти до крови!

И мы опять засмеялись.

– Хо-хо-хо, – хохотал Алеша, трясая кудрями.

– Ха-ха-ха, – хохотала я на высокой ноте.

А потом, словно застигнутые врасплох, замолчали оба
и пошли каждый своей дорогой,
и не виделись больше,
и никогда не встречались.

Олеся НИКОЛАЕВА. Poemalar